

ЗАВТРА БУДЕТ ДРУГОЙ ДЕНЬ

Десятого октября в центре Москвы, в кинотеатре "Октябрь", состоялось событие, которого многие из нас ждали очень давно. Спустя 51 год после премьеры в США и последующего триумфального шествия по экранам всего мира фильм "Унесенные ветром" наконец-то пришел и к нам. Для романа, на основе которого был сделан фильм, это путешествие оказалось на пять лет короче: в 36-м году он был опубликован в США, а в 82-м — у нас.

Что же помешало и роману и фильму прийти в нашу, как говорится, самую читающую страну, ну, пускай не в годы сталинско-бериевской вакханалии (не будем утопистами), но хотя бы в оттепельные времена, овеянные либеральными парадоксами Никиты Сергеевича?

Ответ надо искать все там же — в прекрасном октябре 17-го года, когда мы родились, чтоб сказку сделать былью, а прежнюю быль осмеять, обгадить и поскорее позабыть. В одночасье было решено, что отныне самое справедливое общество может быть только у нас, а французам, англичанам, японцам и разным прочим шведам было присуждено жить в страшном мире капитала и слабо надеяться на освобождение русско-азиатскими братьями. С тех пор и наша дооктябрьская история и — тем более! — история всех зарубежных государств изображалась как скопище кошмаров, преступлений, убийств, вероломства... При этом "красные истории", не ленясь, выбирали из страниц революционных учебников по несколько героев на каждую страну, чтобы злодеям и мерзавцам не скучно было существовать в слишком уж однообразной компании. Отдельных героев лично назначал товарищ Ленин, а после его безвременной кончины — товарищ Сталин.

Так вот: было решено, что в интереснейшей, уникальной американской истории было только два более или менее светлых пятна — освободительная война против "разбойников-англичан" (так обычно выражался Ленин) в XVIII веке и гражданская война в XIX веке. Ну, и сразу же, понятное дело, было распределено, кто хорошие, а кто — плохие. В первой из войн американцы были хорошими, англичане — плохими, а во второй северяне хорошими, южане — плохими. Если кто-то из читателей забыл школьный курс, я напомню: в 1861—1865 годах северные штаты США воевали с южными в основном из-за проблемы негритянского рабства, которое южанам нравилось, а северянам — нет. И это мы, в жизни не слышавшие имен, скажем, Бердяева или Шестова, с младых ногтей твердо знали, что в далекой Америке гражданская война вспыхнула по вине гадких южных плантаторов, зверски угнетавших бедных негров. Опять же "Хижину дяди Тома", должно быть, каждый восьмой читал и остальным семи со слезами и гневом пересказывал...

Между тем ровно за 17 лет до героической победы над женским батальоном и перепуганными министрами Временного правительства (да еще и 9-го ноября!) в американском городе Атланте родилась девочка Пегги, а полностью — Маргарет Митчелл. Атланта была в самом центре Юга, и Пегги росла в атмосфере постоянных разговоров, рассказов о гражданской войне, ветеранов которой было в те годы не меньше, чем сейчас наших ветеранов. Когда Пегги выросла и стала великолепной писательницей, она

Писательница Маргарет Митчелл и киноактер Кларк Гэйбл — исполнитель роли Ретта Батлера в фильме "Унесенные ветром".

говорила: "Как же мне было не знать о гражданской войне и тяжелых временах, которых пришли после нее? Я на этом выросла. И мне казалось, что все это было только что, за несколько лет до моего рождения". Девочкой Пегги, конечно, была на стороне "своих". Ей было уже лет 10, когда она впервые узнала, что южане, оказывается, проиграли войну, а боготворимый и прославленный на всех перекрестках Атланта и других южных городов генерал Ли сдался главнокомандующему северянам Гранту. Пегги долго рыдала, не в силах поверить в такую несправедливость.

А потом понемногу она стала узнавать об этой войне все больше и больше, многое читала сама, убеждаясь, что на самом деле все было не так просто, как ей рассказывали.

Она окончила колледж, вышла замуж, но неудачно, стала журналисткой, еще раз вышла замуж — теперь уже до конца жизни.

Эта удивительная жизнь была сплетением удач и триумфальной славы с фатальным невезением. Как тут не вспомнить о неудачной верховой прогулке, когда 20-летняя Маргарет погнала норовистую лошадь на невысокую каменную стену, намереваясь преодолеть ее. Но упрямое животное прыгнуло как бы нехотя, зацепилось копытами за край стены и рухнуло наземь, придавив девушку.

Удар пришелся по лодыжке, которую Пегги повредила еще в детстве. На память об этом печальном случае будущей писательнице пожизненно досталась ортопедическая обувь и постоянные боли. Ну а сам эпизод Митчелл блестяще использовала в своем романе, где дочь героини, маленькая Бонни, точно так же рушится с лошади, правда, с более грустным исходом — она ломает шейные позвонки и умирает.

Пора, наконец, сказать и о самом романе. В ноябре 1926 года Маргарет, ставшая к тому времени довольно известной в Атланте журналисткой, вела свой автомобиль по скользкому после дождя шоссе. Резко затормозив на красный свет, она врезалась прямо в дерево на обочине. Сама Митчелл почти не пострадала, но чтобы не вытеснить лбом ветровое стекло, она изо всех сил уперлась ногами в пол и... в третий раз повредила боковую лодыжку. С репортерской работой, требующей постоянной беготни и спешки, ей пришлось расстаться, как потом выяснилось, — навсегда.

Но нет худа без добра. Муж Маргарет, Джон Марш, посоветовал жене писать не рассказы (ими она "баловалась" и раньше), а большой, серьезный роман. Ухватившись за эту идею, тосковавшая в четырех стенах Маргарет в январе 1927 года приступила к работе. Почти не отрываясь от бумаги, она писала три года, и к Рождеству 27-го года роман чернее был готов. Как и положено настоящей писательнице, Митчелл немедленно приступила к переделкам. В те недели и месяцы, ни Джон Марш, ни два-три близких приятеля, которым Маргарет на пробу показывала рукописи, ни даже сама она не могли и предположить, какой удивительной окажется судьба этого самодельного романа. Уже несколько раз переписанный, он пылился на антресолях и в ящиках стола. Время от времени Маргарет приходила в голову новая идея, она тут же исправляла соответствующее место в романе, но это случалось все реже...

В титрах немых кинофильмов тех лет (впрочем, их к началу 30-х уже вытеснило звуковое кино, во всяком случае — в США) часто встречалась интригующая надпись: "А в это время..." А в это время, в апреле 1935 года, в Атланту явился вице-президент и главный редактор крупного нью-йоркского издательства "Макмиллан и К" Гарольд Лэтем. В поисках новых писательских имен он уже объездил ряд городов Юга, и вот в Атланте ему рассказали, что некая Митчелл давно пишет "что-то про гражданскую войну". Лэтем встретился с Маргарет, долго ее уговаривал, но согласия так и не получил.

Лишь в самый последний момент, когда гордая Пегги вдруг почувствовала, что в существование ее романа вообще не верят, она обиделась, стремительно собрала по всему дому пакеты и связки бумаги с романом и кинулась в гостиницу, где остановился Лэтем. До отхода его поезда оставалось часа полтора, когда Лэтем по телефонному звонку строптивой писательницы спустился в вестибюль.

Там он увидел запомнившуюся ему на всю жизнь картину: в дверь пыталась протиснуться огромная охапка больших картонных конвертов, из-под которых забавно торчали женские ноги. Дверь была слишком узкой, и конверты посыпались на пол. Лэтем кинулся помогать Маргарет, но его опередили трое негритят-коридорных. Кое-как рукопись удалось водрузить на ближайший диван. Не ожидая от романа Митчелл ничего особенного, Лэтем все же начал читать его уже в поезде. И в итоге, вернувшись в Нью-Йорк, он немедленно сообщил прези-

денту издательства Бретту, что дама из Атланта написала "нечто поразительное".

Начался новый этап в истории будущих "Унесенных ветром". Да-да, именно будущих, так как названия у романа еще не было! Условно, правда, Маргарет назвала его словами, которыми заканчивается роман и которым суждено было стать знаменитыми — "Завтра будет другой день". Но Бретт и Лэтем усмотрели в этом названии банальность, а они считали, что необычайный роман и называться должен необычайно. Перебрав ряд отвергнутых издателями названий, Маргарет, наконец, выбрала титул поэмы английского поэта конца XIX века Эрнеста Дюсона — "Унесенные ветром", которое Дюсон, в свою очередь, позаимствовал у Горация.

Долго пришлось подбирать и имя героини романа. Отвергнув имена Пэнси, Сорм, Робин и другие, Митчелл, наконец, остановилась на Скарлетт — в переводе это означает "алая", "огненная", что вполне соответствовало ее упрямому, буйному характеру. Имя Скарлетт стало для американцев нарицательным, означая... Впрочем, об этом чуть позже.

А "доводка" романа между тем завершилась. Уже 30 июня 1936 году в продаже появились его первые экземпляры. Успех был неожиданным и фантастическим: сама Митчелл надеялась, что удастся продать хотя бы пять тысяч тиража (это окупило бы расходы издательства), но уже в первый день было продано в 10 раз больше! В следующие три недели эта цифра возросла до 176 тысяч, а за полгода — до миллиона! Напомню, что в расчетливом мире капитализма тиражи не назначаются "от фонаря", как у нас, а вначале делаются небольшими, пробными и только потом растут (или не растут) в зависимости от спроса. Рецензии на роман появились одна за другой, произведение Митчелл критики ставили в один ряд с шедеврами современности и прошлого.

Аукнулся этот сногшибательный успех и в нашем царстве самой передовой культуры. В августе памятного 37-го года в журнале "Литературное обозрение" автор короткой анонимной рецензии, укравшийся за инициалами Н. В., высокомерной скороговоркой сообщил о "необычной" популярности "Унесенных ветром" и назвал роман "талантиво написанной, но реакционной книгой". Окончательный приговор был таким: "апология рабовладельческого общества". Так и завершилось тогда наше "знакомство" с "Унесенными ветром", и лишь 45 лет спустя простые советские комбайнеры и сантехники смогли, наконец, прочитать всемирно известный роман.

Еще более фантастическим был успех фильма. Известный голливудский продюсер Дэвид Сэлзник (то есть Давид Железняк, в прошлом еврей из Киева, так что гордитесь, соотечественники!) за месяц до выхода книги на основе ее гранок (!) купил у издательства "Макмиллан и К" права на экранизацию. На имя Сэлзника в Голливуд приходили тысячи писем с фотографиями девушки, мечтавших о роли Скарлетт. Такой же мишени стала и сама Митчелл: множество "Скарлетт" осаждали и бомбардировали письмами ее дом.

Давно уже был найден исполнитель главной мужской роли — популярнейший голливудский актер Кларк Гэйбл, а Скарлетт все не отыскивалась. Наконец, 11 декабря 1938 года Сэлзник решил на отчаянный шаг — он приступил к съемкам, еще не имея главной героини. Но — вот чудеса! — именно в этот день на огромной съемочной площадке среди пламени и взрывов (снималась сложная в техническом плане сцена — "пожар Атланта") появился брат Сэлзника, сказавший ему как ни в чем не бывало: "Привет, старик! А я привел тебе Скарлетт". Так в Голливуде появилась молодая английская актриса Вивьен Ли. Роль Скарлетт, по общему признанию критики, стала лучшей в ее длительной карьере.

Сэлзник, конечно, долго готовился к съемкам, но сам их процесс длился недолго — всего 22 недели. Премьера "Унесенных ветром" состоялась в Атланте 15 декабря 1939 года, губернатор Джорджии объявил этот день праздником штата. В Атланту съехались репортеры, кинохроникеры, известные актеры едва ли не со всей страны. А в начале 1940 года "Унесенные ветром" получили в общей сложности 10 (!) "Оскаров" — высших наград в американском кинематографе. С тех пор фильм с неслыханным триумфом обошел экраны всего мира. Последним на этом пути оказался наш кинотеатр "Октябрь"...

Так о чем же этот роман? Как и положено: о любви и ненависти, чести и подлости, войне и мире. Но, поскольку всю эту гамму чувств и состояний могут испытывать только герои Леонова и Кочетова, Михалкова и Софронова, ну, в крайнем случае — еще и Льва Толстого, то нам (в не таком уж далеком

82-м году, когда "Унесенные ветром" появились, наконец, в русском переводе), в очередной раз решили "запудрить мозги". Большой мастер этих дел, литературовед-патриот П. Палиевский написал 13 страничек предисловия к роману, напустив порядочно тумана, исказив биографию писательницы и ухитрившись дать "анализ" сложнейшего события в американской истории — гражданской войны... в одном абзаце! Предлагалась прежняя версия: коварные рабовладельцы Юга развязали войну против прогрессивных северянок, чтобы те не мешали им и дальше угнетать несчастных негров.

Ах, если бы в жизни все было так просто, если бы все многообразие мира сводилось только к черной и белой краскам! Жить, возможно, стало бы и легче, но так ведь не бывает. И уж на собственной то истории мы знаем это лучше любой другой нации, потому что никто так не отличился в уродовании своей жизни и истории, как мы.

Разумеется, рабовладение в Америке прогрессивным явлением не называлось. Вспоминается и тот же несчастный дядя Том, и любимая всеми пионерами и пенсионерами рабыня Изаура (понара, это уже в Бразилии, но все равно жалко), и какие-то виселицы, куколослановцы в устрашающих белых балахонах... но к середине XIX века не эти кошмарные картины отражали отношения между рабами и их хозяевами. Пытки и издевательства были к тому времени редчайшим исключением, да и не в правилах хорошего хозяина портить надежно слушающую ему "вещь". Конечно, быть вещью обидно, но и это отношение понемногу преодолелось, негры становились в большей степени слугами, работниками, и, надо сказать, большинство их этим положением не тяготилось.

Все это дало себя знать к концу войны и после нее, когда оккупировавшие Юг северяне "освободили" негров. Брошенные на произвол судьбы бежавшими хозяевами и мало интересовавшиеся "освободителями", негры толпами устремились в города в поисках той самой свободы, о которой столь громко было объявлено.

Но никто и не думал создавать для них новых рабочих мест, и вот, подобно слепым котяткам, оторванным безжалостной рукой от матери, негры мыкались по городам и весям, со слезами взывая к прохожим: "Хозяюшка, мэм, пожалуйста, напишите моему господину в графство Фейет, что я туточки. А уж он придет и заберет меня, старичка, к себе. Ради господина бога, а то ведь я тут ума рещусь, на этой свободе!" Так писала об этом Митчелл.

Грубоватые и не так уж хорошо образованные северяне рабства не признавали категорически. Эволюция подарила им иные традиции и привычки: цепкость, деловитость, стойкость. Загадочный и так нас всех пугающий рынок был давно ими освоен. Однако при столкновении двух американских цивилизаций, южной и северной, отнюдь не произошло нашей традиционной мясорубки. Даже война велась иначе, в лучших традициях рыцарских турниров. Борьба была, вражда была, а вот ненависти не было. В передышках между боями противники активно обменивались кофе, табаком, газетами — ведь каждая из сторон сообщала свою версию хода войны.

И в результате после окончания боев побежденные были не задавлены, не уничтожены, не выброшены в неведомое зарубежье, а образовали с победителями некий симбиоз, вобравший в себя все лучшее с Севера и Юга, а все худшее — отринувший. Вот тогда-то США и помчались вперед семимильными шагами, вскоре став богатеющей и могущественнейшей державой мира. Главные герои "Унесенных ветром" Скарлетт О'Хара и Ретт Батлер как бы олицетворяют собой Юг и Север. Сближаясь и отдаляясь друг от друга, они повторяют сложнейшие процессы американской истории. Но как раз это и не устраивало тех, кто полвека не пускал "Унесенных ветром" на наши экраны и книжные полки. Ведь мы-то куда лучше знали, что в действительности происходило тогда в Америке, чем какая-то Маргарет Митчелл.

Но время идет, и к нам возвращаются забытые имена, книги, кинофильмы. Еще в годы "застоя" добралась до нас книга Митчелл, а теперь вот и фильм. Писательница с августа 1949 года спит на Оклэндском кладбище Атланта (ее задавил таксист-лихач), а книга ее живет и будет жить. Живет и фильм, да еще как! "Октябрь" в дни премьеры напоминал не то октябрь 17-го в Петрограде, не то разгон демонстрантов на Пушкинской площади. Но ничего, наша страна пережила столько, сколько даже самым выносливым американцам не выдержать. А сколько еще впереди, и хорошего, и плохого... Может быть, первого все же окажется побольше?

Поглядим. Ведь завтра, как говорили Маргарет Митчелл и ее героиня, будет другой день. Хуже или лучше, но другой. Совсем другой...

Митчелл М.

29.11.90